

М. Л. Малаховская

НОВЕЙШИЕ АНГЛИЦИЗМЫ В РУССКОМ ЛЕКСИКОНЕ В АСПЕКТЕ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ

В статье исследуются некоторые аспекты взаимовлияния двух процессов — процесса перевода с английского языка на русский и процесса пополнения русского лексикона за счет постоянно увеличивающегося в последние десятилетия притока новейших англицизмов. Выводы из проведенного автором анализа употребления и семантики некоторых часто критикуемых заимствований дали возможность предложить ряд рекомендаций по использованию новейших англицизмов в переводе. Кроме того, исследование данных сервиса Reverso Context позволило получить представление о роли профессиональных переводчиков в создании и распространении англицизмов, затрудняющих коммуникацию и засоряющих русский язык.

Ключевые слова: англицизм, неологизм, лексическая лакуна, межъязыковая интерференция, переводческая ошибка.

М. Malakhovskaya

RECENT ANGLICISMS IN RUSSIAN LEXIS FROM THE PERSPECTIVE OF TEACHING TRANSLATION

The article explores some issues concerning the interaction of two interdependent processes — the process of translation from English into Russian and that of the expansion of the Russian lexicon due to the adoption, in recent decades, of an unprecedented number of anglicisms. Based on the study of semantics and usage of several frequently criticized anglicisms, the article outlines some guidelines for using the latest anglicisms in translation. In addition, the analysis of the data obtained from an online bilingual dictionary tool Reverso Context provided an insight into the role of professional translators in overloading the Russian language with anglicisms that impair communication.

Keywords: anglicism, neologism, lexical gap, interlingual interference, translation error.

1. Введение

В последние десятилетия английский язык, ставший языком международного общения во многих сферах деловой, научной и повседневной жизни, оказывает значительное влияние на языки и культуры большинства народов мира. Когда речь идет о происходящих под воздействием английского языка изменениях в национальных языках, обычно говорят о проникновении в эти языки англицизмов. Термин «англицизм» в последнее время понимается очень широко как «любое единичное или системное языковое явление, которое было заимствовано из английского языка или смоделировано под его влиянием»

[11, с. 163]. В соответствии с этим определением, данным термином описываются «спровоцированные» английским языком инновации на всех уровнях языка. Если говорить о лексических заимствованиях — а именно они чаще всего привлекают внимание исследователей, — то англицизмами, в соответствии с таким пониманием, следует считать не только единицы, уже прочно закрепившиеся в языке, но и некодифицированные слова и словосочетания.

Поток англицизмов, хлынувший в лексиконы национальных языков, вызывает у носителей этих языков озабоченность, а у лингвистов — стремление подвергнуть

этот феномен всестороннему изучению [3]. Англицизмы исследуются с точки зрения неологии, лингвокультурологии, социолингвистики, когнитивистики. Уже долгое время они находятся в центре внимания специалистов в области языковой политики и обычных носителей национальных языков. Как зарубежные, так и российские исследователи нередко дают отрицательную оценку изменениям, происходящим в национальных языках под влиянием английского, и высказывают тревогу по этому поводу [1; 5; 10; 12]. Некоторые даже говорят о возможном поглощении национальных языков языком-гегемоном и предлагают принять меры для того, чтобы свести употребление англицизмов к минимуму, ограничив его реалиями стран английского языка, а также сферой описания «новых технологий и процессов, связанных с глобализацией» [14, с. 54–55; 15, с. 105].

Не остаются за пределами интересов исследователей и вопросы прикладного характера. Так, появляются работы, в которых англицизмы исследуются в русле лингводидактики [9], а также теории и практики перевода [4; 7]. Именно в ракурсе перевода англицизмы будут рассматриваться и в данной статье. Наш опыт преподавания практики перевода позволяет говорить о том, что новейшие англицизмы вызывают у будущих переводчиков ощутимые затруднения. Учитывая постоянный рост количества англицизмов в русском лексиконе, формулирование некоторых общих принципов использования этих языковых единиц в переводе представляется весьма актуальной задачей. В рамках этой статьи мы имеем возможность обсудить только лексические англицизмы, причем наше внимание будет сосредоточено не на специальных терминах, а на единицах общей лексики.

Программная публикация на эту тему появилась десять лет назад. Вектор обсуждения проблемы экспансии англицизмов задан в ее названии — «Перевод с английского на англо-русский, или Кто виноват и что делать?» [7]. Автор статьи, известный переводчик

М. А. Орёл, пишет о том, что проникновение в переводные и оригинальные русские тексты большего, чем когда-либо, количества заимствований из английского языка имеет далеко идущие последствия для переводческой деятельности. Меняется сам подход к переводу, происходит эволюция «конвенциональной нормы перевода, что выражается в растущей степени формально-структурной эквивалентности оригиналу» [7, с. 91]. Автор рассматривает причины экспансии англицизмов в русском лексиконе, ведущей к столь существенным для перевода последствиям, и выявляет преимущества и недостатки происходящих сдвигов. Основной посыл статьи можно сформулировать как призыв к переводчикам, теоретикам перевода и всем, кто имеет отношение к профессиональной подготовке переводчиков, активно воздействовать на происходящие в языке процессы. В частности, это воздействие, как считает автор, должно выражаться в «утроенном внимании» к заимствованиям при подготовке переводческих кадров. Необходимо учить будущих переводчиков грамотно обращаться с англицизмами — «предостерегать от их неправомерного использования, демонстрируя в том числе случаи, когда заимствование в речи допустимо или даже желательно» [7, с. 96].

За десять лет, прошедших с момента появления этой статьи, произошло немало изменений как в плане дальнейшей экспансии англицизмов, так и в плане появления новых исследований в данной области. Важно также, что теперь имеется больше, чем десятилетие назад, технических возможностей для изучения функционирования англицизмов в русском языковом пространстве. Например, в 2013 году были выпущены онлайн-поисковики Reverso Context и Linguee (русская версия), которые дают возможность переводчикам-практикам знакомиться с вариантами перевода тех или иных лексических единиц на примере существующих билингвальных текстов, а исследователям — изучать используемые стратегии перевода.

Все это позволяет надеяться, что возвращение к проблематике статьи десятилетней давности может оказаться небесполезным и даст возможность по-новому ответить на вопросы, поставленные автором этой работы (кто виноват в экспансии англицизмов и что с этим делать?).

2. Заимствования целесообразные и нецелесообразные

Сначала обратимся к рассмотрению второго вопроса: что делать людям, которые тем или иным образом причастны к созданию переводных текстов, с тем, что русский язык все больше наводняется англицизмами, в некотором роде превращаясь в то, что автор статьи удачно назвал англо-русским языком? Почему вообще возникает мысль о том, что с этим надо что-то делать, если, как утверждает М. А. Орёл, данная тенденция, способствуя сближению языков и культур и обогащая «наш словарный и информационный запас новыми понятиями и средствами номинации», положительно влияет на процесс перевода? Ведь при таком положении дел адекватный перевод английского текста «может потребовать гораздо меньше, чем прежде, преобразований в целях прагматической адаптации» [7, с. 93]. Однако в статье говорится также и об отрицательных последствиях данной тенденции, которые проявляются в засорении русского языка тем, что автор называет «нецелесообразными заимствованиями». На борьбу с использованием таких нецелесообразных заимствований и должны, по его мнению, быть направлены усилия переводческого сообщества.

Вопрос о целесообразности тех или иных заимствований решается автором в русле общей тенденции понимания этой проблемы российскими лингвистами: использование англицизмов вполне оправдано в целях номинации новых явлений и понятий, когда оно, по сути, является «средством компрессии информации». Что же касается привнесения в лексикон «синонимов уже существующих слов», то оно, по его мнению, не является

целесообразным [7]. С ним солидарны большинство исследователей, дающих оценку происходящей сейчас интенсификации роста заимствований. В. И. Карасик, например, утверждает, что за заимствованием лексических единиц, синонимичных уже существующим в русском языке, стоит импорт «паразитарных» концептов. К ним он относит «те мыслительные образования, которые обозначаются английскими словами с целью сделать вид, что рекламируемые явления, для которых в русском языке есть свои обозначения, имеют нечто особое, отличающееся от наших обычных предметов, явлений, событий» [1, с. 212–214].

В зарубежной лингвистике преобладает такой же подход к рассмотрению заимствований, в том числе англицизмов. Весьма популярна дихотомия двух типов заимствований: некоторые из них называются необходимыми (*necessary loans*), другие — избыточными (*luxury loans*). Англицизм относят к «необходимым» заимствованиям, если он называет «новый объект или концепт, особенно относящийся к какой-либо новой области культурного, научного или технического знания». «Избыточным» же англицизм считают в том случае, если он обозначает «объект или концепт, уже лексикализированный в языке-реципиенте, но выражает его более модным или привлекательным образом» [13, с. 10]. Правда, в последнее время наметилась тенденция отхода от столь жесткого оценочного суждения по поводу нужности или ненужности тех или иных англицизмов. Например, высказывается мнение о том, что было бы более целесообразно обозначить дихотомию между англицизмами, лексическое значение которых совпадает с их понятийным содержанием, и теми, у которых оно включает также и прагматический компонент [16, с. 17]. Отход от жесткой позиции в оценке употребления англицизмов-синонимов представляется вполне обоснованным, поскольку исследования показывают, что в ходе ассимиляции заимствованные единицы имеют тенденцию частично изменять

свои денотативные значения и приобретать новые коннотации, тем самым обогащая русскую лексику [2, с. 19]. Именно это, как считает М. А. Орёл, позволяет носителям языка примириться с вызывающими поначалу протест единицами типа «топ-модель» или «внедорожник» (синонимичными уже имеющимся словам «манекенщица» и «вездеход»), а переводчикам со спокойной совестью использовать их в своей работе. Однако, по его мнению, существуют случаи совершенно неоправданного внедрения англицизмов. Особое неприятие у него вызывают два типа иноязычных заимствований:

1. Семантические кальки типа широко обсуждаемого семантического неологизма «вызов», появление которого в переводных, а затем и в оригинальных текстах на русском языке демонстрирует, по мнению автора статьи, низкий «уровень навыков анализа и работы со словарями» у переводящих.

2. Заимствования, являющиеся результатом «столкновения переводчика со своими ложными друзьями», то есть появившиеся в языке вследствие межъязыковой интерференции. Один из примеров такого рода — употребление существительного «экспертиза» в значении «высокая квалификация, мастерство, опыт» [7, с. 94–95].

По мысли автора, именно по отношению к таким «неоправданным» заимствованиям переводчики должны продемонстрировать свое отрицательное отношение, отказываясь использовать их в качестве переводческих эквивалентов. На данном этапе развития русского языка, пишет М. А. Орёл, «подобные новшества в переводческую речь допускать нельзя». Он понимает, что такие заимствования с течением времени могут закрепиться в языке. «По прошествии десятилетия другого лет, — пишет он, — это вполне может стать речевой нормой, которой переводчики уже должны будут руководствоваться», как бы они ни противились этому [7, с. 95–96].

После появления статьи, содержащей эти рассуждения, прошло десять лет. Эта вре-

менная дистанция позволяет нам проследить за судьбой некоторых упомянутых автором заимствований, а также, возможно, до некоторой степени пересмотреть выводы, к которым он пришел.

Прежде всего, обратимся к вопросу о том, насколько обоснованным является отрицательное отношение переводческого сообщества к семантическим калькам типа *вызов*.

3. Семантическая калька *вызов*: результат неумения переводчиков работать со словарями или вербализация нового лингвокультурного концепта?

Этот англицизм вошел в русский лексикон вследствие того, что в семантической структуре многозначного слова *вызов* под влиянием многозначного английского слова *challenge* появился еще один ЛСВ (лексико-семантический вариант). Произошло это по двум причинам. Во-первых, при совпадении большинства значений этих лексем в двух языках, в семантической структуре русского *вызов* отсутствовал ЛСВ, эквивалентный наиболее частотному значению английского *challenge*, который в словаре Collins определяется как *a demanding or stimulating situation, career, object, etc.* Во-вторых, именно этот ЛСВ данного английского слова, являясь культурно специфичным, крайне трудно поддается переводу. По наблюдениям А. А. Ривлиной, «перевод слова *challenge* относится практически во всех пособиях по теории и практике перевода к числу “классических” трудностей перевода с английского языка на русский» [8, с. 61].

Переводные словари предлагают для этого ЛСВ совершенно несхожие варианты перевода, такие, например, как *задача, проблема, испытание, стимул*, и множество других. Однако ни один из этих вариантов не является адекватной вербализацией того концепта, который стоит за данным ЛСВ английской лексемы *challenge*, в чем можно убедиться, обратившись к словарным дефинициям.

Oxford Dictionary of English: *a task or situation that tests someone's abilities.*

Collins Cobuild Advanced Learner's Dictionary: *something new and difficult which requires great effort and determination.*

Collins English Dictionary: *a demanding or stimulating (encouraging or arousing interest or enthusiasm) situation, career, object, etc.*

Merriam-Webster Dictionary: *a stimulating task or problem.*

Dictionary.com: *difficulty in a job or undertaking that is stimulating to one engaged in it.*

Итак, в значении этого ЛСВ словарями выделяются следующие семантические компоненты: а) трудность задачи (*difficult, demanding*), б) необходимость усилий и настойчивости для ее решения (*great effort and determination*), в) новизна задачи (*new*), г) интерес и энтузиазм, вызываемый необходимостью решить эту задачу (*stimulating*). Это говорит о том, что английское слово *challenge* называет концепт, в котором в цельном, нерасщепленном виде присутствуют компоненты как отрицательного отношения к некоторой ситуации (она является трудной), так и положительного (она вызывает интерес и энтузиазм). В русской концептосфере этому концепту соответствует лакуна. В таком случае, по-видимому, нет оснований для того, чтобы отвергать семантическую кальку *вызов* в качестве переводческого эквивалента английской лексемы *challenge*. Ведь проведенный анализ показал, что использование этого англицизма в переводных текстах вряд ли является результатом «низкого уровня анализа и работы со словарями». Скорее, наоборот, оно свидетельствует о понимании того, что традиционно предлагаемые переводческие эквиваленты английского *challenge* являются, по сути, лишь его квазиэквивалентами.

Конечно, может возникнуть вопрос: почему раньше в переводных текстах эта семантическая калька не использовалась? Ответ очевиден — в ходе все большей интеграции России в глобализационные процессы произошло проникновение не только новой единицы в русский лексикон, но и нового концепта в русское бытийное пространство.

Характерное для англо-американской культуры отношение к трудностям как к чему-то, вызывающему интерес, азарт и уверенность в возможности их преодоления, становится все более распространенным и в рамках нашей действительности, по крайней мере, среди тех, кого можно отнести к наиболее активной части населения. У этих людей в процессе коммуникации появилась потребность каким-то образом обозначить это новое отношение к «трудным задачам», и именно поэтому оказалась востребованной семантическая калька *вызов*.

Итак, использование в переводе англицизма *вызов* оправдано тем, что за данной номинацией в современном русском языковом сознании стоит достаточно четко ощущаемый концепт, который не имеет никакого иного адекватного способа вербализации. По-видимому, когда М. А. Орёл писал свою статью, этот факт был еще не столь очевиден. Но его отказ семантическому неологизму *вызов* в статусе переводческого эквивалента английского *challenge* отражает некую общую тенденцию, характеризующую отношение части переводческого сообщества к неологизмам-англицизмам в целом. Сущность этой тенденции, на наш взгляд, состоит в неготовности или нежелании признать тот факт, что импорт концептов может иметь место не только в области «культурного, научного или технического знания», но и за ее пределами. Изменения в мировоззрении людей, происходящие вследствие межъязыковых и межкультурных контактов, также порождают потребность в заимствовании определенного рода концептов и номинирующих их лексических единиц.

4. Ошибки перевода как причина появления новых слов

Теперь рассмотрим ту категорию англицизмов, которые были определены в статье М. А. Орла как последствия «столкновения переводчика со своими ложными друзьями». Речь идет о неологизмах, появившихся в русском языке в результате переводческой

ошибки, вызванной межъязыковой интерференцией, и мы обратимся к одному из примеров из этой статьи — существительному *экспертиза*, которое нередко теперь можно встретить в не свойственном ему ранее значении «высокая квалификация, мастерство, опыт».

Как и десятилетие назад, англицизм *экспертиза* (в значении *высокая квалификация, опыт*) по-прежнему используется как в переводных текстах (преимущественно официально-делового стиля), так и в исходно русскоязычных. В отличие от рассмотренного выше неологизма, это новшество не только не является средством компенсации лакуны, но может вызывать ощутимые затруднения в коммуникации. То, что его употребление нередко дезориентирует даже тех, кто хорошо знаком с обоими языками, уже отмечалось, в частности, в одном из недавних исследований [6]. И в самом деле, встречая в переводном тексте слово «экспертиза», мы не всегда можем понять, идет ли речь об *экспертном мнении* или об *опыте*, как, скажем, в следующих примерах, размещенных на сервисе Reverso Context:

I could certainly use your expertise to help solve this case. Мне нужна экспертиза, и я хочу попросить вас о помощи.

Maritime and international trade law expertise. Экспертиза в области морского торгового права и права международной торговли.

В данном случае мы, определенно, имеем дело с переводческой ошибкой, приведшей к образованию и закреплению в лексиконе новой единицы, которая не только неприятна для пуристов, но и наносит реальный вред общению на русском языке. Причем *экспертиза* в этом новом значении — не случайность, не окказионализм, а проявление теперь уже многолетней тенденции.

Необходимо, однако, отметить, что новое слово, даже если оно пришло в язык в результате ошибки перевода, совсем не обязательно представляет собой отрицательное явление, с которым непременно надо бороться. Взять, к примеру, еще одну семантиче-

скую кальку — *активность* (в значении «мероприятие», «занятие», «действие»). Появление этого неологизма, скорее всего, говорит о том, что те, кто дал ему жизнь, не сумели распознать «ложного друга» переводчика или же просто не сочли нужным считаться с фактом межъязыковой интерференции. Тем не менее такое словоупотребление, по-видимому, вскоре закрепится в качестве нормативного. Ведь на сегодняшний день мы наблюдаем не только стремительный рост частотности этой единицы, но и расширение ее грамматического потенциала: если поначалу она использовалась только во множественном числе, то теперь обрела уже полноценную грамматическую парадигму, используя также и в единственном числе, как, например, в этом материале, размещенном в Интернете:

Куратор стартапов Бизнес-инкубатора НИУ ВШЭ рассказала о том, как строится работа инкубатора и какие задачи решает каждая активность.

Хотя в большинстве контекстов этот неологизм мог бы быть заменен тем или иным синонимом, его вхождение в русский лексикон не создает особых трудностей в коммуникации. Поэтому, по-видимому, можно признать право создающих переводные и оригинальные тексты на использование этого новшества и считать это делом вкуса.

5. Кто виноват?

Теперь было бы уместно вернуться к вопросу о том, «кто виноват» в переполнении русского лексикона «ненужными», а порой и вредными англицизмами. М. А. Орёл связывает эту ситуацию, в частности, со снижением профессионального уровня переводчиков, давших жизнь многим неприемлемым лексическим новшествам. Он пишет, что в связи с постоянно растущим потоком подлежащей переводу информации не хватает переводческих рук «и еще сильнее не хватает переводческих голов». Более того, «сегодня «переводческие» решения нередко принимаются не профессиональными пере-

водчиками», а теми, кого автор, вслед за Л. В. Полубиченко, называет «переводящими». Это люди, принадлежащие к многомиллионной армии выезжающих за рубеж, а также «персонал иностранных компаний, действующих в России» [7, с. 90–91].

Интересно было бы понять, какую роль сыграли и продолжают играть в этом процессе именно профессиональные переводчики, а не доморожденные «переводящие». Исчерпывающий ответ на данный вопрос потребовал бы основательного исторического изыскания. Но косвенную информацию на этот счет можно получить, обратившись к сервису Reverso Context, если рассмотреть фрагменты размещенных на нем переводных текстов, содержащих некоторые наиболее «одиозные» заимствования. Возьмем, к примеру, обсуждавшийся выше англицизм «экспертиза».

При поиске примеров, в которых в качестве переводческого эквивалента для английского *expertise* был выбран вариант *экспертиза*, система выдала 100 контекстов, в большинстве из которых это английское слово употреблено в значении *expert opinion or commentary* (Merriam-Webster Dictionary). Однако в 15 фрагментах *expertise* было использовано в значении *special skill or knowledge that is acquired by training, study, or practice*. То есть в 15% случаев вместо требуемых, по логике вещей, эквивалентов («опыт», «знания» и т. д.) было использовано неудачное лексическое новшество, являющееся результатом межъязыковой интерференции. Источником примерно половины таких примеров, по данным Reverso Context, были субтитры к фильмам, что в некоторой степени объясняет этот неудачный выбор, поскольку киноперевод далеко не всегда осуществляется профессионалами. Однако остальные примеры, содержащие данный вариант перевода, были взяты в основном из различных правительственных документов (конференции ООН и т. д.), то есть являются результатом работы профессиональных переводчиков. Таким образом, ответствен-

ность за то, что в языке закрепился результат переводческой ошибки, в равной мере несут переводчики и «переводящие».

6. Заключение

Мысль о том, что из-за экспансии англицизмов русский язык постепенно превращается в «англо-русский», прозвучавшая в статье М. А. Орла десять лет назад, продолжает и сегодня беспокоить лингвистов и переводчиков. Однако проведенное нами исследование показало, что далеко не все случаи вхождения в лексикон «модных заимствований» следует расценивать как достойную сожаления и осуждения переводческую безграмотность или ошибку. Рассуждая об использовании неологизмов-англицизмов в переводных текстах или оригинальных текстах на русском языке, следует, по-видимому, отказаться от стереотипов и таких общих установок, как, скажем, утверждение о неправомерности использования семантических калек (типа существительного *вызов*) или единиц, ставших употребительными из-за ошибок, вызванных межъязыковой интерференцией (таких, как *активность/активности*). Неологизмы, появившиеся вследствие этих, казалось бы, неудачных переводческих решений, нередко отражают возникшую в обществе потребность вербализировать концепт, прежде не имевший своего имени. Понять, действительно ли тот или иной англицизм является средством компенсации лексической лакуны, а не просто результатом следования языковой моде, не всегда легко. Именно поэтому, оценивая правомерность использования в переводе какого-либо неологизма-англицизма, имеет смысл руководствоваться не общими установками и вкусовыми предпочтениями, а результатами тщательного сопоставительного анализа семантики заимствованной из английского языка лексической единицы и русских лексических единиц, предлагаемых словарями в качестве ее переводческих эквивалентов.

Не стоит, по-видимому, однозначно и безоговорочно отвергать даже те англицизмы,

использование которых не вызвано потребностью вербализировать новый концепт и значение которых может быть выражено уже имеющимися в языке словами. Хотя такие новые единицы часто вызывают протест, они все же, как правило, не создают проблем в общении. Более того, становясь синонимами более «привычных» лексических единиц и обретая в процессе ассимиляции новые коннотации, они дарят коммуникантам новые возможности языкового самовыражения. Поэтому использование их в переводе вполне допустимо, с учетом, конечно, целевой аудитории и жанра переводимого текста.

С другой стороны, некоторые англицизмы действительно порождают трудности в общении, что мы наблюдаем, в частности, в случае с новым значением лексемы *экспертиза*. Такого рода примеры убеждают в том, что неудачные переводческие решения действительно могут оказывать длительное негативное влияние «на родной язык и культуру» [7, с. 96].

Итак, отвечая на вопрос М. А. Орла о том, «что делать» переводческому сообществу с засильем англицизмов, следует, по-видимому, рекомендовать переводчикам относиться к этому явлению без излишних предубеждений. Тем же, кто ответственен за профессиональную подготовку переводчиков, надо больше внимания уделять развитию у студентов привычки подвергать тща-

тельному семантическому анализу каждый случай вхождения в лексикон нового иностранного слова.

Однако ответственность за принятие ошибочных решений, которые приводят к заимствованию слов, затрудняющих коммуникацию, лежит не только на профессиональных переводчиках, но и на «многомиллионной армии переводящих», в чем убеждает ситуация с появлением и распространением семантической кальки *экспертиза*. Поэтому нельзя рассчитывать на то, что процесс проникновения англицизмов в русский лексикон и их употребления в речи примет более рациональный характер только благодаря улучшению профессиональной подготовки и условий труда переводчиков. Перемены к лучшему в этой сфере требуют внимания со стороны тех, кто может способствовать обогащению языкового и общекультурного опыта людей, создающих переводные или оригинальные тексты на русском языке, то есть фактически всего населения страны. Поэтому нельзя не согласиться с мнением А. А. Стрельцова о том, что проблемы в сфере заимствований требуют усилий как «преподавателей иностранных языков, которые открывают учащимся значение тех или иных английских слов», так и учителей-словесников, «которые дают подрастающему поколению образцы правильной и выразительной русской речи» [9, с. 9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карасик В. И. Языковой круг. Личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
2. Касьянова Л. Ю. Заимствование концептов как релевантный фактор обновления концептосферы языка // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 6 (62). С. 18–24.
3. Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 27–34.
4. Ланчиков В. К. Семь заблуждений относительно заимствований (цитаты с комментариями) // Мосты. Журнал переводчиков. 2005. № 3 (7). С. 36–43.
5. Маринова Е. В. Могут ли амбиции быть здоровыми // Русская речь. 2012. № 5. С. 57–63.
6. Некрасова Т. П., Захраи С. Х. О трудностях восприятия семантических инноваций в русском языке иностранцами // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2011. № 2. С. 96–99.
7. Орёл М. А. Перевод с английского на англо-русский, или Кто виноват и что делать? // Вестник НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 4. С. 87–97.
8. Ривлина А. А. «Проблемы» vs «вызовы»: компенсация лингвокультурной лакуны // Лакуны в языке и речи. 2005. № 2. С. 61–68.

9. Стрельцов А. А. Русинглиш: дань моде или язык XXI века? // Русская словесность. 2010. № 5. С. 5–9.
10. Храмова Л. Н. Динамические процессы в прагматически маркированной лексике в русском языке в начале XXI века (на примере слова *амбициозный*) // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. № 2 (7). С. 143–160.
11. Gottlieb H. Anglicisms and translation // In and out of English: For better, for worse? Clevedon, England: Multilingual Matters, 2005. P. 161–184.
12. Philipson R. English-only Europe? Challenging language policy. London; New York: Routledge, 2004. 240 p.
13. Pulcini V., Furiassi C., Rodriguez Gonzales F. The lexical influence of English on European languages // Anglicization of European lexis. From words to phraseology. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2012. P. 1–26.
14. Rollason C. Unequal systems: on the problem of Anglicisms in contemporary French usage // Anglicization of European lexis. From words to phraseology. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2012. P. 39–56.
15. Tsagouria P. The Influence of English on Greek. A sociological approach // Anglicization of European lexis. From words to phraseology. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2012. P. 97–107.
16. Winter-Froemel E. The pragmatic necessity of borrowing. Euphemism, dysphemism, playfulness — and naming // Taal & Tongval. 2017. Vol. 69. No. 1. P. 17–46.

REFERENCES

1. Karasik V. I. Yazykovoy krug. Lichnost', kontsepty, diskurs. M.: Gnozis, 2004. 390 s.
2. Kas'yanova L. Yu. Zaimstvovanie kontseptov kak relevantnyj faktor obnovleniya kontseptosfery yazyka // Vestnik Tomского государственного университета. 2008. № 6 (62). S. 18–24.
3. Krysin L. P. Leksicheskoe zaimstvovanie i kal'kirovanie v russkom yazyke poslednih desyatiletij // Voprosy yazykoznanija. 2002. № 6. С. 27–34.
4. Lanchikov V. K. Sem' zabluzhdeniy otnositel'no zaimstvovaniy (tsitaty s kommentariyami) // Mosty. Zhurnal perevodchikov. 2005. № 3 (7). S. 36–43
5. Marinova E. V. Mogut li ambitsii byt' zdorovymi // Russkaya rech'. 2012. № 5. S. 57–63.
6. Nekrasova T. P., Zahrai S. H. O trudnostyah vospriyatiya semanticheskikh innovatsiy v russkom yazyke inostrantsami // Vestnik udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya. 2011. № 2. S. 96–99.
7. Orel M. A. Perevod s angliyskogo na anglo-russkiy, ili Kto vinovat i chto delat'? // Vestnik NGLU im. N. A. Dobrolyubova. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2009. № 4. S. 87–97.
8. Rivlina A. A. «Problemy» vs «vyzovy»: kompensatsiya lingvokul'turnoy lakuny // Lakuny v yazyke i rechi. 2005. № 2. S. 61–68.
9. Strel'tsov A. A. Rusinglish: dan' mode ili yazyk XXI veka? // Russkaya slovesnost'. 2010. № 5. S. 5–9.
10. Hramtsova L. N. Dinamicheskie protsessy v pragmaticheski markirovannoy leksike v russkom yazyke v nachale XXI veka (na primere slova *ambitsioznyj*) // Vestnik novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. № 2 (7). S. 143–160.
11. Gottlieb H. Anglicisms and translation // In and out of English: For better, for worse? Clevedon, England: Multilingual Matters, 2005. P. 161–184.
12. Philipson R. English-only Europe? Challenging language policy. London; New York: Routledge, 2004. 240 p.
13. Pulcini V., Furiassi C., Rodriguez Gonzales F. The lexical influence of English on European languages // Anglicization of European lexis. From words to phraseology. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2012. P. 1–26.
14. Rollason C. Unequal systems: on the problem of Anglicisms in contemporary French usage // Anglicization of European lexis. From words to phraseology. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2012. P. 39–56.
15. Tsagouria P. The Influence of English on Greek. A sociological approach // Anglicization of European lexis. From words to phraseology. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2012. P. 97–107.
16. Winter-Froemel E. The pragmatic necessity of borrowing. Euphemism, dysphemism, playfulness — and naming // Taal & Tongval. 2017. Vol. 69. No. 1. P. 17–46.